

- 6 ИЮН 1981

XVII век был знаменателен для французской литературы величайшим, может быть, за всю ее историю переворотом, в результате которого — впервые — установилось гармоническое согласие между содержанием новой национальной литературы и ее формами. Сложился национальный классический стиль.

В одном из набросков 1834 года Пушкин писал об этом — как о чуде: «посреди... жалкого ничтожества, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса вдруг явилась толпа истинно великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века». И перечисляя всех их — первым среди равных называет Пьера Корнеля.

Его трагедии вошли в духовный оборот России в XVIII веке — «перемичивый» Книжник первым перевел «Сиду» и «Горацию», «Цинну» и «Смерть Помпея». Они пользовались большой популярностью у русских просветителей, а затем в декабристских кругах. Причем, декабристами «Цинна» (уже в переводе Катенина) воспринималась как безусловно тиранинороческая трагедия. В Катенинском же переводе в 1822 году в Петербурге был поставлен «Сид» — в связи с чем в первой главе «Евгения Онегина» и явились строки: «Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величайший...»

А через 20 лет Белинский, не жалувавший этого «псевдоклассика» и даже... «поэтического уродца», с ехидной озабоченностью заглядывал под столы: «Увы! где же этот величайший гений Корнеля, воскрешенный на русском театре Г. Катениным? — об этом ровно ничего не знаем ни мы, ни русская публика...» И однако даже «неистовый Виссарьон» вынужден был, в конце концов, сделать весьма красноречивое признание: «Трагедия Корнеля, правда, очень уродливы по их классической (т. е. класси-

цистской. — Р. Д.) форме, и теоретики имеют полное право нападать на эту китайскую форму, которой поддался ВЕЛИЧАВЫЙ И МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ГЕНИЙ КОРНЕЛЯ вследствие насильственного влияния Ришелье, который и в литературе хотел быть первым министром. Но теоретики жестоко ошиблись бы, если бы, за уродливую псевдоклассическую

нель. Пушкин указывает таким образом на его особое место среди «чистых» классиков. Он подчеркивает это и в другом, более позднем наброске — напомнив, как французская словесность покорилась «уложению» Буало, Пушкин добавляет: «Старый Корнель один

страсти, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода».

Безусловно, всеми перечисленными здесь качествами — в той или иной степени — Корнель обладал. Но главным

лютистскому государству и лично Людовику XIV, Пушкин тем не менее ясно видел, что ориентация на придворные вкусы ограничивала формы выражения народности французского национального стиля, обедняла его художественно. «Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля?» — спрашивал Пушкин — и отвечал: «Придворные Людовика XIV». «Простонародность», по его мнению, была ближе к «поэзии действительности», нежели «нарекание модное, избранное, утонченное».

Это не значило, однако, что создаваемая Пушкиным русская национальная классическая драма должна во что бы то ни стало вернуться «на площадь». В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин «твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы... а не придворный бычачай...» Но и — здесь же читаем: «поэту не должно быть площадным из доброй воли», — иначе говоря, недопустимо в погоне за дешевым успехом никакое заискивание перед публикой, никакое поспешное потрофление площадному вкусу. Эстетическое чувство Пушкина требовало духовной свободы поэта («иные, лучшие мне дороги права») и не терпело вульгарности: «Прекрасное должно быть величаво».

Идеал величавости стиля был воспринят Пушкиным у французских классиков XVII века — и не в последнюю очередь у Корнеля.

...Окончательно сроднило их — бессмертие.

Р. ДЕРИГЛАЗОВ.

«КОРНЕЛЯ ГЕНИЙ ВЕЛИЧАВЫЙ»

К 375-летию со дня рождения. Великий французский драматург в восприятии А. С. Пушкина

формой корнелевских трагедий, проглядели СТРАШНУЮ ВНЕШНЮЮ СИЛУ ИХ ПАФОСА. Французы нашего времени говорят, что Мирабо обязан Корнелю лучшими вдохновениями своих речей. После этого удивляйтесь французам, что они забывают скоро свои романтические трагедии а-ля Шекспир И ДО СИХ ПОР ЧИТАЮТ И ВСЕГДА БУДУТ ЧИТАТЬ старого Корнеля». («Мысли и заметки о русской литературе»).

Пушкин не раз обращался к творчеству Корнеля, размышляя над глубинными закономерностями и проблемами национального классического стиля.

Намечая план статьи о «народной драме», Пушкин писал:

«С площади, ярманки... Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление?»

(Корнель, поэт испанский!).»

Что это — описка? как француз попал в «испанские» поэты?..

Дело тут, конечно, не только в испанских сюжетах, к которым не раз обращался Кор-

остался представителем романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену».

Эпитеты эти — «испанский», «романтическая» — в пушкинском контексте свидетельствовали о причастности к поэтике барокко, что, действительно, характерно для зрелого Корнеля.

Барочность классициста до сих пор сбивает с толку некоторых критиков, видящих здесь лишь непростительную непоследовательность. Пушкин видел иное. В том же первом наброске о «народной драме» читаем далее:

«Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ — Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик...».

Потому же велик и Корнель. «Что нужно драматическому писателю? Философию, бес-

в пушкинских глазах — было последнее: свобода!

Создавая высочайшие образцы классической трагедии, Корнель умудрялся чувствовать себя свободным даже в тисках знаменитых «трех единств» поэтики классицизма. Пушкина это приводило в восторг: «Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как ловко Корнель управился с Сидом. «А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте», — и нагромоздил событий на 4 месяца!..».

Но, конечно же, французский поэт-классицист (даже и Корнель!) не обладал той свободой, которая мечталась Пушкину и которой предстояло стать важнейшим нравственно-эстетическим завоеванием русской национальной классики.

Ни в коей мере не принижая творчества Корнеля до «прикладного» служения абсо-